ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Беляков М. В.

В статье рассматриваются некоторые особенности политического дискурса, в том числе существование и функционирование в рамках политического дискурса интертекста как одного из его неотъемлемых компонентов, позволяющего решать многие прагматические задачи, например, разрешение оппозиции «свой-чужой».

Ключевые слова: политический дискурс, интертекст, понимание, интерпретация, «свой-чужой»

Keywords: political discourse, intertext, comprehension, interpretation, «our-stranger»

Понятие дискурса до настоящего времени претерпело множество трансформаций, но и сегодня оно не имеет однозначного толкования, его нельзя отнести к числу конкретных.

Под дискурсом в лингвистике могут пониматься различные единицы, например: речь, связная речь; речевой поток; сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст; коммуникативно-целостное и завершенное речевое произведение и определенный тип ментальности; вербализованное сознание; сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, влияющие на его производство и восприятие; реальный, естественный текст; речевые жанры. При этом необходимо отметить, что в исследованиях проявляется тенденция изучения связного текста, учитывающая его динамический (деятельностный, коммуникативный) аспект. Итогом развития данной тенденции было создание теории дискурса, где речь рассматривается как целенаправленное социальное действие, а связный текст не отделяется от прагматических, социокультурных, психологических и других экстратекстовых факторов.

Т. А. Ван Дейк, в частности, говорит о дискурсе в широком смысле (как комплексном коммуникативном событии), дискурсе в узком смысле (как тексте или разговоре), дискурсе как конкретном разговоре, дискурсе как типе разговора и о дискурсе как жанре[1].

В англоязычной литературе термин «дискурс» выступает в значении «речевая деятельность» или «коммуникативная деятельность» Выделяют три основных подхода к исследованию дискурса. В рамках первого, формального подхода дискурс определяется как высказывание, выходящее за рамки словосочетания и предложения. Согласно второму подходу основное внимание обращается на семантику предложения, которая исследуется по отношению к структурам всего дискурса. Третий подход к трактовке понятия дискурс предполагает изучение взаимодействия формы и функции. Но, скорее всего, определение дискурса зависит в первую очередь от мотива, коммуникативного намерения, цели, нейролингвистической программы в производстве рассматриваемого акта коммуникации и др.

В отечественной лингвистике выделяются два основных направления исследования дискурса. Первое – это когнитивный подход, который предполагает изучение связи дискурса с когнитивными функциями и процессами. Второе, которое можно назвать динамическим, анализирует процессы порождения текста автором и его восприятие реципиентом.

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент Кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО (У) МИД РФ, профессор русского отделения Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea; e-mail: belmax@hotmail.ru. Статья подготовлена автором при содействии Сеульского университета Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea.

Чудинов А. П. рассматривает дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (такие как знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Таким образом, термин «дискурс» имеет не только лингвистический характер, но и является предметом исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики[2].

Тем самым, современная концепция дискурса строится с учетом грамматики текста, прагматики, с вовлечением в анализ социальных факторов (мнений и установок коммуникантов, их этнической и социокультурной принадлежности и др.). Особое внимание уделяется личностным характеристикам носителей языка (намерениям, чувствам, эмоциям и т.д.). Все эти экстралингвистические факторы активно участвуют в процессах, как порождения, так и восприятия дискурса. Исследователи подчеркивают, что одной стороной дискурс обращен к ситуации, а также к ряду личностных и социальных характеристик (антропологических, этнографических, социологических, психологических, языковых и культурных). Другой стороной дискурс обращен к ментальной сфере общающихся индивидов, которая отображает и факторы внешнего контекста.

Политический, новостной, научный дискурс могут рассматриваться как жанровое понятие. Следует отметить, что политический дискурс не поддается однозначному определению не только в силу абстрактности понятия дискурса, но и ввиду отсутствия четкого определения категории «политика».

Одна из особенностей политического дискурса – это его явная интертекстуальность. Известно, что в основе теории интертекста лежат полифоническое литературоведение Бахтина, работы Тынянова о пародии и теории анаграмм Ф. де Соссюра, основателя структурной лингвистики. Теорию интертекста развивал Ролан Барт: «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски "источников" и "влияний" соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек»[3]. Интертекст стал неотъемлемой частью политического дискурса, поскольку выступления политических деятелей часто имеют отсылки на предыдущие тексты этого же политика или содержат цитаты из выступлений других известных политических деятелей, прецедентные имена и т.п.

Рассматривая политический дискурс как частное понятие по отношению к дискурсу как общему понятию, следует обратить внимание на обобщающий их коммуникативный характер. Можно полагать, что в процессе коммуникации существует определенная цель, которой стремится достичь говорящий, и цель эта – понимание сказанного слушающим (адресатом). Достижимость этой цели обусловлена рядом параметров, характеризующих как говорящего, так и слушающего. Говорящий стремится не только добиться «языкового» понимания со стороны слушающего, но и инициировать согласие, поддержку, сочувствие, сопереживание и т.д. В связи с этим используется ряд риторических приемов. Одним из приемов, направленных на расположение слушающего в пользу говорящего, является использование интертекста, как некого текста, который содержит в себе определенную цитату, представляющую собой фрагмент иного текста, или целый текст. При этом интертекст имеет двоякую направленность. С одной стороны – это своего рода код, позволяющий выявить диспозицию «свой – чужой». Рациональное использование интертекста дает возможность говорящему быть причисленным к категории «своих». С другой стороны интертекст – это прецедентный текст, являющийся подтверждением правоты говорящего на основе использования более ранних «авторитетных» текстов, или текстов, получивших распространение в определенном социальном сообществе, а следовательно, воспринимаемых как объективная реальность, подтверждаемая историческим прецедентом. Таким образом, интертекстуальная насыщенность политического дискурса является весьма прагматичной.

Одним из проявлений интертекстуальности может служить игра слов как общее понятие и, в частности, метафора, – мощное средство воздействия на аудиторию. Но если в обыденной речи мы используем метафору, неосознанно пытаясь повлиять на мнение собеседника, то в политическом дискурсе этому явлению осознанно уделяется большое внимание. Метафора часто используется в PR-технологиях из-за своего семантического строения – уподобления через одно слово двух разных понятий.

Вторичное значение с характерными для него ассоциациями и возникающее вследствие этого переживание вызывает различного рода эмоции. Но для того чтобы более осознано манипулировать чувствами и эмоциями потенциальных реципиентов, необходимо учитывать особенности образования и функционирования метафоры.

В политическом дискурсе метафора в основном имеет прагматическую функцию. Она может

служить для более точной передачи мысли, для образной и выразительной передачи сообщения. При этом, «играя» словом, автор не только обращает внимание на звуковую форму и семантику слова, на его этимологию, на наличие синонимичных слов, но и усиливает эмоциональное воздействие на реципиента. Возникающие при восприятии метафоры ассоциации и эмоции являются орудием воздействия на предполагаемого избирателя, а, следовательно, на общественное мнение и политическую ситуацию.

Существуют различные толкования термина «метафора» с точки зрения структурно-семантического и когнитивного подходов.

В когнитивной лингвистике метафора – способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе. Это определение хоть и отражает сущность процесса метафоризации, но ничего не говорит о функциональных свойствах данного явления. Наиболее четкой представляется дефиниция языковой метафоры как «вторичной косвенной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента»[4]. Как категория лексикологии языковая метафора здесь отграничена от индивидуально-авторской (художественной) метафоры, а как образное языковое средство – от генетической метафоры. Однако стоит отметить, что индивидуально-авторская, языковая и генетическая метафоры могут рассматриваться как виды одного языкового явления, т.к. они сходны по принципам семантических процессов, происходящих при метафоризации. Особую роль играет именно авторская метафора, так как именно она чаще других апеллирует к интертексту.

Итак, политическая метафора в наши дни становится одним из самых важных средств воздействия на реципиента. Это средство должно найти ожидаемый отклик у тех, на кого эта метафора нацелена, вызвать некоторое переживание. Результатом такого воздействия могут быть от разного рода эмоциональных состояний до формирования политических пристрастий реципиента путем смены его мировоззрения. Реципиент должен испытывать чувства неодобрения, презрения, пренебрежения, одобрения, сочувствия и т.д. Кроме того, преднамеренное использование в речи политика игры слов, включая метафору, создает дискурсивный портрет говорящего. Имидж является одновременно и основной составляющей языковой личности, и результатом проявления языковой личности в ситуации общения.

Дискурсивный портрет политика представляет собой взаимосвязанную совокупность таких факторов, как наличие определенной коммуникативной цели, способности эффективно аргументировать свои позиции, уровня коммуникативной компетенции, и является наиболее эффективным комплексным аналитическим инструментом для создания и поддерживания канала обратной связи с реципиентами. Важную роль при этом опять-таки играет интертекстуальность, позволяя, благодаря ссылкам на известные автору и реципиенту понятия, факты и тексты, устанавливать более тесный контакт.

В политическом дискурсе вырабатываются коммуникативные стратегии и коммуникативные тактики (планирование речевой деятельности, отбор принципов, способов и приемов, которые обеспечат достижение успеха). К стратегии относится планирование в обобщенном виде (ориентируется на изменение политических взглядов адресата, изменение его отношения к тем или иным теориям, событиям). Стратегии выбирают в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. Для этого может использоваться стратегия восхваления или дискредитации деловых или моральных качеств политического деятеля, его программы и т.д. Стратегический план может быть ориентирован преимущественно на рациональное воздействие, на обращение к чувствам предполагаемых реципиентов или на сочетание рациональных и эмоциональных аргументов.

Стратегии реализуются с помощью коммуникативных тактик. Коммуникативная тактика – это конкретные способы реализации стратегии. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована с помощью демонстрации негативных личных качеств этого кандидата или апеллированием к известным его речам (текстам), которые не относятся к разряду позитивных. Под коммуникативной тактикой понимают специфический вид речевого воздействия, имеющий целью внедрение в сознание под видом объективной информации неявного, но желательного для тех или иных политических групп содержания таким образом, чтобы у реципиента формировалось на основе данного содержания мнение, максимально близкое к требуемому. Среди коммуникативных тактик может применяться также публикация статистических данных, относящихся к деятельности того или иного субъекта политической деятельности (политика, политической партии, организации, государства и т.д.); изложение предпочтительной точки зрения на тот или иной вопрос (политической или экономической программы, плана действий, группы оценок) и т.д. Но статистические материалы часто бывают непонятны без комментария специалиста и трудны для более или менее полного и подробного воспроизведения в дальнейших обсуждениях,

в бытовых беседах, диалогах, где любая точка зрения «вызревает», сверяется с точкой зрения, принятой людьми, чья позиция и мнение по той или иной причине релевантны для конкретного избирателя. Комментарий же к статистическим данным, подытоживающий их, выражающий чью-то точку зрения, вполне может содержать и часто содержит интертекстуальные отсылки и метафоры, которые, собственно, и запоминаются и становятся впоследствии предметом цитирования, воспроизведения, обсуждения, т.е. реальным инструментом политического воздействия.

Изложение политической или экономической программы имеет также некоторые особенности. Объемы подобных документов, как правило, не позволяют публиковать их целиком в средствах СМИ, а если они и публикуются, то нередко бывают трудны для восприятия неподготовленным массовым реципиентом. Чаще всего сторонник той или иной политической программы не имеет собственно о программе никакого понятия, а составляет о ней представление по некоторой «квинтэссенции», выделенной специалистами по политическому маркетингу из данной программы и представленной в виде короткого и «яркого» высказывания, чаще всего в виде все той же метафоры. Использование метафоры в речи политиком часто определяет его популярность в народе.

Можно предположить, что политический дискурс должен быть беден метафорами, т.к. речь публичного политика в значительной степени состоит из комиссивных актов (предвыборных обещаний и т.п.), степень последующего воплощения которых в реальность должна быть контролируема. Но, как только центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, что в политической жизни (из-за низкой политической, экономической и т.п. грамотности электората) случается чрезвычайно часто, образные интертекстуальные средства языка вступают в действие. Так, когда в речи ультиматум вырождается в угрозу, имеющую своей целью устрашение, он может быть выражен метафорически. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит, как в обыденную, так и в политическую речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору.

Одной из особенностей современного политического дискурса является его «интернациональность». В условиях современного информационного общества высказывание крупного политика, представляющего интерес для других стран, быстро получает широкое распространение через СМИ за пределами одной страны. При этом надо учитывать, что возможно появление определенных проблем, связанных с интерпретацией этого высказывания (особенно интертекста), в частности, с иноязычной интерпретацией. Пожалуй, одним из наиболее известных примеров подобного рода проблем, связанных с переводом интертекста, может служить история с переводом угрозы Н. С. Хрущева, обещавшего показать США «кузькину мать».

Рассмотрим пример, характерный для современного политического дискурса. Известен случай, когда в октябре 2007 г. Анатолий Чубайс в беседе с журналистами по поводу вступления России в ВТО сказал: «Мы входим в какой-то "День сурка"...» В данной ситуации важно рассмотреть позицию говорящего и слушающего. В высказывании имеется явный интертекст, направленный на полное понимание со стороны слушающего. В роли слушающего выступали российские и зарубежные журналисты.

Мы можем выстроить упрощенную логическую цепочку. Для российских журналистов, являющихся носителями русского языка, то есть языка высказывания, эта цепочка достаточно проста, поскольку из нее исключается стадия перевода: **высказывание (интертекст) – понимание.**

Для иностранных слушателей цепочка включает звено «перевод»: **высказывание (интертекст) – перевод – понимание.**

Первое звено «высказывание (интертекст)» в обоих случаях идентично, поэтому сразу рассмотрим звено «понимание». Для американца, канадца, австралийца интертекст высказывания вызывает абсолютное понимание, поскольку в их странах день сурка – это традиционный праздник, отмечаемый ежегодно 2 февраля. Следовательно, данный интертекст ими может интерпретироваться как «нечто повторяющееся, ставшее традиционным».

Для носителя русского языка рассматриваемый интертекст также не вызывает проблем в понимании. Но, скорее всего, большинство наших соотечественников свяжет его не собственно с праздником (который в России отсутствует), а с американской комедией режиссера Гарольда Рэмиса «День сурка», которая хорошо известна в нашей стране. В этом случае возможна интерпретация интертекста как «дежавю, нечто повторяющееся в течение какого-то промежутка времени, доведенное до состояния навязчивого кошмара или абсурда».

Таким образом, можно говорить о том, что интертекст, использованный в политическом дискурсе А. Чубайса вызывает абсолютное понимание у русскоязычного слушателя и слушателя, являющегося представителем одной из вышеназванных стран. В то же время интерпретация может быть различной.

В данном примере различие в интерпретации обусловлено не переводом, а экстралингвистическим фактором, поскольку по-английски название праздника и название фильма звучат одинаково – *Groundhog Day*. Таким образом, звено «перевод» в логической цепочке не является причиной различий в интерпретации.

Можно предположить, что интерпретация, основанная на фильме, более соответствует смыслу, вложенному в высказывание А. Чубайсом.

Таким образом, современный политический дискурс тесно связан с интертекстом, более того – можно говорить о том, что интертекст стал неотъемлемой частью политического дискурса. Это, с одной стороны, позволяет решить некие прагматические задачи, с другой стороны, может привести к различиям в интерпретации даже при условии высокого уровня понимания интертекста слушающим. Трудности такого рода могут быть обусловлены «интернационализацией» политического дискурса, вследствие значимости высказанного известными политиками для ряда стран. В то же время интертекст, понятный на «интернациональном» уровне может интерпретироваться в сознании по-разному.

Mikhail V. Belyakov. «Intertext interpretation in a political discourse».

The author investigates a question of specific features of political discourse and, in particular, occurrences and functioning in its frames intertext as one of its indispensable components.

1. *Teun Van Dijk.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.
2. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.
3. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 417.
4. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. С. 15.